

—
Дождь постепенно усиливался.

Траурная церемония подошла к концу, и гости начали медленно спускаться с горы, покидая кладбище.

Янь Шитин, стоявший у могилы старой госпожи Янь, тоже развернулся и приготовился к спуску. Юй Ли молча шел следом, держа над головой зонт.

На похоронах было слишком много людей, и он не смел открыто демонстрировать их близкие отношения, поэтому все эти дни держался на расстоянии. Янь Шитин даже не догадывался, что юноша идет за ним по пятам.

Миновав несколько рядов надгробий, Янь Шитин свернул на другую тропинку.

Юй Ли в растерянности замедлил шаг, но тут же услышал тихий голос шедшей рядом доктора Янь:

— Там похоронены родители Шитина. Должно быть, он решил зайти навестить их.

Юй Ли молча смотрел на удаляющуюся спину мужа. Спустя секунду он повернулся к доктору Янь:

— Доктор Янь, я пойду побуду с ним. Спускайтесь пока без меня.

Доктор Янь, казалось, немного удивилась. Она помедлила мгновение, а затем мягко кивнула:

— Хорошо. Земля скользкая, так что будь осторожен.

Она сделала паузу и добавила:

— Сяо Юй, если ты хочешь узнать больше, почему бы тебе не спросить у Шитина напрямую? Некоторые вещи слишком долго лежат тяжелым грузом на его сердце.

Юй Ли застыл на месте. Проводив женщину взглядом, он крепче сжал ручку зонта и поспешил вслед за Янь Шитином.

Пройдя немного вперед, он увидел, что Янь Шитин остановился перед семейным захоронением. Юй Ли резко замер, глядя на его спину.

Дождь лил как из ведра, крупные капли с шумом разбивались о каменные плиты. Несмотря на раскрытый зонт, штанины брюк Янь Шитина уже потемнели от влаги. Под порывами сильного ветра полы его длинного пальто хаотично взлетали вверх.

Юй Ли долго всматривался в эту одинокую фигуру. Почему-то ему вспомнился юбилей старой госпожи Янь и силуэт мужчины под увитой плющом стеной. Тогда он лишь смутно почувствовал, что Янь Шитина что-то гложет, но теперь, когда эти два образа слились воедино, Юй Ли наконец осознал, насколько невыносимо больно тому было всё это время.

Юй Ли крепко сжал губы. Он уверенно зашагал вперед и тихо встал позади него.

Почувствовав чужое присутствие, Янь Шитин медленно обернулся. В его глазах на мгновение промелькнуло удивление, но не успел Юй Ли взглянуть, как мужчина взял его за руку и

негромко произнес:

— Пойдем.

Юй Ли бросил короткий взгляд на двойное надгробие.

— В следующий раз я приведу тебя сюда как положено, — добавил Янь Шитин глубоким, ровным голосом.

Юй Ли перевел взгляд на его лицо и мягко улыбнулся:

— Хорошо. Гэ, если во второй половине дня тебе не нужно ехать в офис, давай вернемся домой вместе.

Янь Шитин крепче сжал его ладонь и кивнул:

— Да, не нужно.

«Давай вернемся домой вместе».

Когда они спустились к парковке, там почти никого не осталось.

Выйдя к машинам, Юй Ли еще издалека заметил в самом дальнем углу Янь Суя, который с кем-то ожесточенно спорил. Приглядевшись, он узнал в одном из его оппонентов того самого парня, который на похоронах назвал Янь Шитина бездушным эгоистом. Сейчас этот парень стоял с виноватым видом, а на его левой щеке отчетливо виднелся багровый след от пощечины.

Юй Ли посмотрел на Янь Шитина, который в этот момент разговаривал с доктором Янь, и решил подойти ближе к Янь Сую, чтобы разузнать, в чем дело.

Едва он приблизился, до его слуха донесся яростный голос Янь Суя:

— Чжоу Сюэтао, если бы мой брат действительно был бездушным чудовищем, кем бы тогда был я? Неужели ты думаешь, что лучше меня знаешь, как мой брат относится к своим близким? С чего ты решил, что имеешь право открывать свой грязный рот? Если у тебя хватит смелости, повтори всё это прямо ему в лицо в следующий раз!

Стоявший рядом с Чжоу Сюэтао мужчина, который выглядел на несколько лет старше, поспешно вмешался:

— Прости, Янь Суй. Моего младшего брата слишком разбаловали дома. Как только вернемся, я лично попрошу отца заняться его воспитанием.

Лицо мужчины выражало крайнюю тревогу. Договорив, он со злостью зыркнул на Чжоу Сюэтао:

— Живо извинись!

У Чжоу Сюэтао судорожно дернулся уголок рта, и он выдавил сквозь зубы:

— Прости, Янь Суй.

Юй Ли плавно замедлил шаг. Похоже, Янь Суй случайно подслушал сплетни о старшем брате и решил лично проучить сплетника. Судя по всему, конфликт был уже исчерпан.

Немного подумав, Юй Ли решил не вмешиваться. Он тихо развернулся и направился вглубь парковки к ожидавшей их машине.

После бессонной ночи у гроба покойной Янь Шитин выглядел утомленным. Едва сев в салон автомобиля, он прикрыл глаза, погружаясь в легкую дремоту.

Юй Ли поднял звуконепроницаемую перегородку, отделяющую их от водителя, и мягко взял его за руку. Янь Шитин тут же ответил крепким рукопожатием.

Оба молчали. Машина плавно тронулась с места и покинула загородное кладбище Сишань. За окном стеной шумел проливной дождь, не утихая ни на минуту.

Юй Ли не хотелось спать. Он то всматривался в проносящиеся мимо унылые пейзажи, то переводил взгляд на умиротворенное лицо Янь Шитина. В голове снова и снова прокручивались слова, которые Янь Суй выкрикнул на парковке.

Было очевидно, что Янь Суй прекрасно понимает, как много старший брат сделал для него, и искренне дорожит им. У Янь Шитина осталось слишком мало близких людей, и Юй Ли меньше всего на свете хотел, чтобы между братьями из-за глупой размолвки пролегла пропасть.

Он закусил губу, мысленно принимая твердое решение.

Они вернулись в Ваньтин лишь к двум часам дня. Из-за непрекращающегося ливня небо затянуло свинцовыми тучами, и в комнатах царил полумрак.

Янь Шитин уже потянулся к выключателю, чтобы зажечь свет в гостиной, как вдруг Юй Ли подошел сзади и крепко обнял его со спины, уткнувшись лицом в лопатки.

— Гэ.

Его приглушенный голос заставил мужчину замереть.

— Гэ, хочешь выговориться? — тихо спросил Юй Ли. — Если тебе нужно с кем-то поделиться, ты можешь рассказать всё мне.

Точно такую же фразу Янь Шитин произнес в их последнюю ночь в родном городке Юй Ли. Тогда он видел, как тяжело юноше на душе, и хотел дать ему возможность облегчить сердце, а заодно — узнать его получше. И в ту ночь обычно стойкий Юй Ли признался, что очень скучает по отцу.

Теперь Юй Ли возвращал ему те же самые слова. Должно быть, руководствуясь теми же чувствами.

Несмотря на ненастную погоду за окном, в доме разливался мягкий, теплый свет торшеров.

Янь Шитин и Юй Ли сидели вдвоем в просторном кресле-качалке у панорамного окна, молча наблюдая за бьющимися в стекло каплями дождя. После той ночи в день рождения, когда они стерли разделявшую их невидимую черту, между ними больше не осталось места искусственной холодности.

Они сидели плечом к плечу, и Юй Ли слышал низкий, бархатистый голос Янь Шитина:

— С чего бы ты хотел начать?

Юй Ли поудобнее устроился на мягкой подушке:

— С того времени, когда вы с Янь Суем были еще маленькими?

При упоминании имени младшего брата Янь Шитин слегка опустил ресницы. Спустя недолгую паузу он заговорил размеренно и неторопливо:

— До рождения Янь Суя родители были слишком заняты бизнесом и практически не уделяли мне времени.

В те годы корпорация Янь только вставала на ноги, и отец с матерью дни и ночи проводили на работе. Маленький Янь Шитин рос очень самостоятельным и не страдал от отсутствия родительской ласки. Ему не требовались друзья — он прекрасно чувствовал себя в полном одиночестве.

Всё изменилось, когда на свет появился Янь Суй. У Янь Шитина наконец появился маленький компаньон.

Пока родители строили империю, он преданно заботился о крошечном младшем брате, буквально на своих руках вырастив из беспомощного младенца забавного карапуза, который повсюду хвостиком бегал за ним и без умолку лепетал: «Гэгэ! Гэгэ!»

Вскоре дела корпорации стабилизировались, и у родителей появилось гораздо больше свободного времени для сыновей. Янь Шитин должен был признать, что именно в те немногие счастливые годы он по-настоящему осознал, насколько прекрасна и важна семейная поддержка.

Но когда Янь Сую исполнилось шесть лет, их отец скоропостижно скончался от тяжелой болезни, а вскоре за ним ушла и мать. Семья, которая, казалось, всегда будет рядом, в одночасье перестала существовать.

Поскольку оба брата на тот момент были несовершеннолетними, управление их долями акций временно перешло к их дяде, Янь Юйфэну. Так процветающая семейная компания оказалась в руках человека, чьи непомерные амбиции сочетались с абсолютной бездарностью.

— При моих родителях корпорация Янь в основном занималась строительством и недвижимостью. Поймав волну экономического подъема, компания успешно вышла на биржу.

— Но Янь Юйфэн совершенно не смыслил в управлении. В погоне за сверхприбылью и экономией на материалах он начал использовать некачественное сырье. Новые жилые комплексы строились с грубейшими нарушениями. Они не проходили госкомиссию, стройки замораживались, а обманутые дольщики массово требовали возврата денег.

Всего за один год некогда безупречная репутация бренда «Янь», славившегося заботой о клиентах, была полностью растоптана.

Близкий друг покойного отца Янь Шитина не мог спокойно смотреть на то, как рушится дело всей жизни его товарища. Когда Янь Шитину исполнилось семнадцать, этот человек взял юношу под свое крыло и принялся обучать его тонкостям ведения бизнеса и анализа рынка.

Янь Шитин обладал врожденным талантом к коммерции, к тому же отец с детства прививал ему базовые знания. Очень быстро молодой человек выявил колоссальное количество грубых нарушений в структуре управления дяди. Едва достигнув совершеннолетия, он в

сопровождении личных адвокатов официально вернул права на свои акции и вошел в совет директоров, активно блокируя любые сомнительные инициативы Янь Юйфэна.

За противостоянием дяди и племянника с интересом наблюдала вся деловая элита. Однако благодаря тому, что Янь Шитин с ювелирной точностью указывал на слабые места в управлении и предлагал действительно прибыльные альтернативные решения, он быстро завоевал авторитет и поддержку большинства независимых акционеров.

Спустя год после прихода в компанию Янь Шитин собрал неопровержимые доказательства растраты и незаконного вывода активов семьей своего дяди.

— Но помимо этого, вскрылось кое-что еще... — Янь Шитин внезапно замолчал.

Он устремил тяжелый взгляд на темнеющее за окном небо, его брови сошлись у переносицы, а лицо помрачнело. Чувствуя, как внутри него закипает глухая ярость, Юй Ли мягко накрыл его ладонь своей.

«Кое-что еще» — именно то страшное преступление, за которое его дядя Янь Юйфэн в итоге и поплатился жизнью.

Это произошло в канун Нового года.

Пока команда адвокатов готовила документы для подачи иска против Янь Юйфэна, Янь Шитин обратил внимание на подозрительную активность одного из миноритарных акционеров компании. Начав расследование, он распутал злобный клубок и выяснил, что этот акционер находился в сговоре с Янь Юйфэном. Они вместе спланировали убийство его отца, Янь Хунфэна.

Пользуясь тем, что они жили в одном загородном поместье, Янь Юйфэн на протяжении полугода методично подсыпал в пищу брата медленно действующий яд. Этот токсин постепенно разрушал внутренние органы жертвы, имитируя естественное истощение и хроническую усталость.

До того как вскрылась правда об отравлении, Янь Шитин искренне верил, что отец просто сгорел на работе от бесконечного стресса. Он своими глазами видел, как в последние месяцы жизни отец работал до глубокой ночи, угасая буквально на глазах, пока окончательно не слег в постель, изнуряемый приступами кровавой рвоты.

Но истинной причиной смерти была вовсе не болезнь, а хладнокровное убийство, совершенное близким родственником.

Янь Шитин всегда считал своего дядю глупым и никчемным человеком, но он даже представить себе не мог, что алчность этого монстра зайдет настолько далеко.

После кончины отца акции временно перешли к их матери, Лю Юэнин. Янь Юйфэн торопился прибрать к рукам оставшуюся долю и не придумал ничего лучше, как отравить и ее. На этот раз он действовал грубее, увеличив дозировку и частоту отравлений. Меньше чем через два месяца Лю Юэнин скончалась при абсолютно таких же симптомах, что и ее супруг. Но именно из-за этой спешки убийца и совершил роковую ошибку, оставив явные улики.

Девятнадцатилетний Янь Шитин, глядя на лежащие перед ним доказательства убийства родителей, просидел в запертой комнате всю ночь напролет.

На рассвете, содрогаясь всем телом, он спустился в гостиную и нос к носу столкнулся со старой госпожой Янь, которая пришла умолять его пощадить Янь Юйфэна. В те годы бабушка еще не испытывала к нему той всепоглощающей ненависти, что зародилась позже, и, заметив его мертвенную бледность и отрешенный вид, даже проявила каплю заботы, прежде чем завести разговор о делах сына.

Янь Шитин долго смотрел в ее когда-то казавшееся добрым лицо, а затем перевел взгляд на беззаботно игравшего маленького Янь Суя. В конце концов он попросил младшего брата выйти поиграть на улицу, а сам увел бабушку в кабинет и молча разложил перед ней все документы, подтверждающие факт отравления его родителей.

— Бабушка, скажи мне, должен ли я после этого пощадить Янь Юйфэна?

Он наивно полагал, что пожилая женщина, узнав о мучительной смерти своего второго сына от рук собственного брата, содрогнется от ужаса и перестанет покрывать убийцу.

Однако на лице старой госпожи Янь не отразилось ни капли шока. Лишь трусливое замешательство и бегавший, виноватый взгляд.

— Шитин, покойных уже всё равно не вернуть... Позволь живым продолжить жить, не нужно ворошить дела давно минувших дней...

Глядя на выражение ее лица, Янь Шитин в одно мгновение всё понял. В его голове воцарилась звенящая пустота. Лишь спустя долгие минуты он смог выдавить из себя охрипший, казавшийся чужим голос:

— Ты... ты знала обо всем с самого начала?

Он сделал шаг навстречу, заставляя ее отступить:

— Когда ты узнала об этом? До того как они подсыпали яд, или уже после?

Старая госпожа Янь лишь поспешно отвела глаза, так и не проронив ни слова.

Девятнадцатилетний Янь Шитин еще не умел так искусно скрывать свои чувства, как в тридцать один год. Глядя на виновато молчащую бабушку, он почувствовал, как его глаза налились кровью, а в горле застрял острый, раздирающий ком.

Он заговорил ледяным тоном, буквально выдавливая из себя каждое слово:

— Бабушка, я прошу тебя, ответь мне.

—